

на столько же убійственны въ дождливое. Бываетъ, что помощница крестьянина—лошадь, послѣ такой путины дѣлается окончательно безсильной; а сколько рвется сбруи, сколько ломается телегъ? Лучше было бы отложить возку до первопутья, да нельзя, нужда гонитъ!

А какую глубокую думу передумаютъ продавцы хлѣба, шагая около своихъ возовъ! У всѣхъ въ головѣ засѣла одна мысль: какъ ихъ „облапошатъ“ на базарѣ; на сколько, примѣрно, обвѣсятъ при сыпкѣ, на сколько обочтутъ при разсчетѣ?..

И вотъ, пока плетутся они съ обозомъ въ городъ, вспоминая всѣхъ святыхъ.

На хлѣбной площади города, при сыпкѣ или разсчетѣ, слышатся уже иные крики. „Караулъ! грабятъ!“—отчаяннымъ голосомъ взываетъ крестьянинъ. Но кровавый вопль этотъ замираетъ какъ въ пустынѣ, вызывая смѣхъ и шутки въ средѣ купеческихъ прикащиковъ... Бываетъ и такъ, что крестьянину, горячо отстаивающему свои интересы, еще и тычковъ накладываютъ, а то и того хуже... „Не шуми-де; помни, что въ городу!“

Бѣдовый народъ на нашихъ базарахъ и пристаняхъ!..

Иванъ Яковлевичъ тоже отправилъ небольшой транспортъ съ хлѣбомъ, въ сопровожденіи Петра Иваныча. Имѣя надобность быть въ городѣ, поѣхалъ съ нимъ и я.

Притащились мы въ городъ уже вечеромъ, усталыми и избитыми переѣздомъ по дурной дорогѣ. Городъ смотрѣлъ неприѣтливо. Мрачное небо, грязныя улицы, грязные дома. Закопченные керосиновые фонари какъ бы стыдились освѣтить по ярче такую неряшливость и едва мерцали. Настѣдіе татарщины, безчисленное множество собакъ и на улицахъ, и на дворахъ, и на подъѣздахъ большихъ домовъ, дѣлали не безопаснымъ даже переѣздъ въ экипажѣ. Цѣлыми стаями бросались онѣ и на лошадей и на тарантасъ, неистово визжали и лаяли. А на оглушительный ревъ ихъ отвѣчали тѣмъ же изъ домовъ „комнатные“ псы, лай которыхъ былъ слышенъ даже сквозь затворенныя окна. Собачій городъ—однимъ словомъ, превосходнѣе любой татарской деревни!

Ренсковые погребки встрѣчались буквально на каждомъ перекресткѣ, въ перемежку съ трактирами и кабаками. Окна ихъ, хотя и задернутыя кисейными занавѣсками („отъ призора очесъ“ полицейскихъ), блистали яркимъ свѣтомъ, помогавшимъ злополучнымъ пѣшеходамъ разсматривать и счастливо обходить баррикады и волчьи ямы мостовой. Надъ подъѣздами „заведеній“ висѣли фонари, на стеклахъ которыхъ красными буквами изображалось названіе приѣзжиста. Въ одномъ трактирчикѣ окна стояли